

будто условный значок, приблизительно и неполно выражающий лишь некоторые стороны устройства предложения, может обладать синтаксическими свойствами. Абсолютизация схемы, подмена объекта исследовательского внимания порождает идеи «минимальной и расширенной схем»¹³, «схемной семантики», собственных «средств схем»¹⁴, представлениями о статусе структурной схемы как «синтаксической единицы», о деятельной речетворной роли схемы. Схема фетишизируется и чуть ли не персонифицируется¹⁵.

Понятие «структурной схемы» вырвалось на простор, как джин из сосуда, и перестало подчиняться замыслу его авторов. В «Грамматике-70» структурная схема предложения определяется как «тот отвлеченный образец, по которому может быть построено минимальное самостоятельное и независимое сообщение» (§ 1289). Но далеко не все «структурные схемы» отвечают этому необходимому условию. Так, по схеме V_f 33 не может быть построена ни одна из разновидностей безличных предложений (если не считать *Морозит*, понимание которого как эллиптически-двусоставного изложено выше — см. с. 17—18): минимального коммуникативного смысла не могут независимо от контекста выразить глаголы *Хватило*, *Прибавилось*, *Занесло*, *Ударило*, *Хочется*, *Мерещится* и др. под. Так непреодоленные старые противоречия порождают новые.

Из всего сказанного, по-видимому, вытекает, что в синтаксической теории назрела необходимость в переоценке некоторых привычных представлений, в отделении ценностей подлинных от ценностей мнимых. Из-за приверженности к привычному синтаксической наука не должна отставать в развитии.

Может ли синтаксис обойтись без учения о членах предложения в том виде, в каком оно существует? Думаю, что может, потому что представление о системе структурно-семантических компонентов предложения, в которое это учение может претвориться, сохранит все рациональное, что есть в этом учении, постольку, поскольку и в нем отразились элементы языковой реальности, но поможет избавиться от двойной номенклатуры, от промежуточного преломляющего «экрана». Не станет ли содержательнее наше знание о синтаксисе, если и исследователь и учащийся увидят в субъекте и предикате предложений *Обманывать грешно*, *Курение вредно* конкретно- типовые формы структурных компонентов с з н а ч е н и е м действия и его оценки, *Ему весело*, *Ему взгрустнулось* — субъекта и его состояния, *Рыбы — бездна*, *Мальчиков четверо* — предмета и его количественной характеристики, *Хлеба вдоволь*, *Времени не хватает* — предмета и оценки его количества, *У нее диплом*, *У него сын* — субъекта владения и характеризующего его объекта владения, *Школа — в лесу*, *Дуб — у лукоморья* — предмета и его местонахождения и т. д., вместо того чтобы ломать голову над вопросом: есть ли в этих предложениях подлежащее и сказуемое, — над вопросом, по-видимому, бесплодным, потому что любой ответ на него не сойдется либо с имеющимися определениями, либо с действительной структурой предложений. Очевидно, и к синтаксису справедливо отнести слова, сказанные Гегелем о философии: «Ответ на вопросы, которые оставляет без ответа философия, заключается в том, что они должны быть иначе поставлены».

Анализ компонентного состава предложений — установление для каждой модели предложения составляющих ее структурно-семантических компонентов в их конкретно- типовых формах — выявляет коммуникативно-

¹³ Белашанкова [В. А. Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977, с. 116, 117.

¹⁴ Кокорина С. И. К вопросу о грамматической семантике структурной схемы простого предложения. — В кн.: Спорные вопросы синтаксиса. МГУ, 1974; Шмелева Т. Викт. О семантике структурной схемы предложения. — «Изв. АН СССР, Сер. лит. и языка», 1978, № 4, с. 356.

¹⁵ «... Схема отбирает элементы смысла... производит отбор лексики и приспособление ее к семантике схемы...» (Шмелева Т. Викт. Указ. соч., с. 361, 356).